

ТИХОН ХРЕННИКОВ:

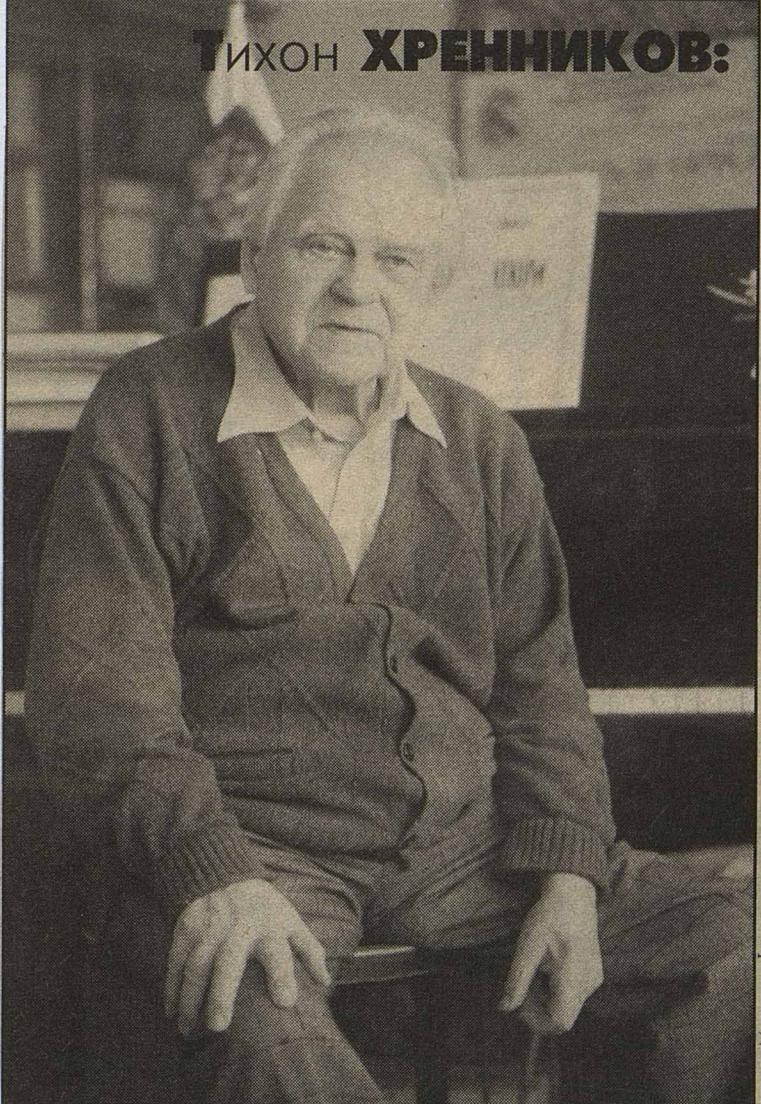

Фото Игоря ИВАНИЦКОВА

— Тихон Николаевич, где вы встретили день Победы?

— На фронте. В январе 1945 года политуправление армии предложило Матвею Блантеру и мне поехать на фронт. Мы с радостью согласились. Когда приехали в Warsaw, нас отправили на Первый Белорусский, в расположение армии Чуйкова, той самой, которая защищала Сталинград. У Чуйкова мы пробыли три месяца, так что окончание войны я видел собственными глазами. 2 мая я побывал у режиссера, в кабинете Гитлера, был свидетелем штурма Берлина. Великая Отечественная война и Победа стали самыми значительными событиями в моей жизни. Меня тогда очень поразило, что Чуйков, переживший тяжелейшие бои под Сталинградом, не потерял вкус к прекрасному. Он обожал музыку! Каждый вечер просил нас с Блантером петь, что мы с удовольствием и делали.

— Какую вашу песню фронтовики хотели чаще всего услышать?

— «Марш артиллеристов» из фильма «В шесть часов вечера после войны». Пырьев снял его еще в 1943 году, а я увидел эту картину только тогда, в 45-м, на фронте. Не могу передать волнение, которое испытывал, когда смотрел вместе с солдатами и офицерами кадры праздника Победы на Красной площади. Шла война, умирали люди, а солдаты в перерывах между боями смотрели фильм о ее победном окончании!

— Вы написали много военных песен. Какие из них прозвучат на празднике 55-летия Победы?

— В эти дни я решил подготовить концерт для ветеранов. Он состоится 8 мая совместными усилиями моего фонда и руководства консерватории.

ТОЛЬКО СЕЙ ЧАС Я НАЧАЛ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ

Тихон Николаевич Хренников — живая легенда XX века. Имя скромного парня из Ельца приобрело мировую известность, ему при жизни поставили памятник, а его песни из культовых фильмов советской эпохи до сих пор поет и любит весь народ. Страна по заслугам оценила творчество Хренникова: он Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, народный артист СССР. Но он признает только одно: он — композитор.

надцать лет меня приняли в Союз композиторов и сразу на второй курс Московской консерватории. Я был энергичный мальчишка, много занимался, уже тогда сочинил свой первый концерт, опус № 1, который впоследствии исполнялся по всему миру.

— Это была сенсация: вашу дипломную симфонию исполнил Филадельфийский оркестр под управлением великого Леопольда Стоковского.

— Мне тогда было немногим больше двадцати. В 1933-м Наталия Сац предложила мне, третьекурснику, сочинить музыку к своему спектаклю. А вскоре я написал музыку к спектаклю «Много шума из ничего» для театра Вахтангова. Фейхтвангер посмотрел его тогда в Москве и впоследствии отозвался о моей музыке очень лестно. Череду интересных предложений продолжил Немирович-Данченко. Для обсуждения совместного проекта он пригласил меня на обед в «Метрополь». Помню, как я был озабочен своим внешним видом: пойти на встречу с Владимиром Ивановичем было не в чем. За трапезой Немирович-Данченко заказал мне для своего театра оперу! В 1939 году опера «В бурю» была поставлена и вызвала неоднозначную реакцию: у публики она имела успех, а критики отзывались очень сурово.

— А как вы начали писать для кино?

— Музыку к кинофильмам я писал параллельно. Когда мы с Иваном Пырьевым заканчивали картину «Свиная карта и пастух», «Гусарская баллада», «Верные друзья». Во втором отделении будет выступать Краснознаменный ансамбль имени Александрова. Помимо военных песен, хор подготовил оригинальную аранжировку «Московских окон».

— Расскажите, как вы стали композитором.

— Я родился в 1913 году в Ельце и был самым младшим из десяти детей. Отец работал приказчиком. В семье не было особого достатка, но отец постарался всем нам дать высшее образование. Братья учились в МГУ и в зрелом возрасте все занимались любимым делом — в основном преподавали физику и математику. Мне тоже с детства легко давалась математика, но я рано полюбил музыку. Брали уроки у чеха Иосифа Кветуни, сына капельмейстера Преображенского полка. Как только освоил рояль, стал сочинять музыку. Мне было тогда 11 лет. Сестра купила мне древний старенький прямоструйный инструмент. О моих первых сочинениях узнали в столице, и директор музыкального техникума Михаил Фабианович Гнесин пригласил меня в Москву. Так в 1929 году я поступил в этот техникум и через три года окончил. А в девят-

— Как вам удавалось сочетать творчество и работу в Союзе композиторов?

— Я так поставил дело: с утра писал музыку, а в Союз приезжал только после пяти часов. Старался приучить всех композиторов к такому же режи-

му. Поэтому за 43 года пребывания на посту генсекретаря Союза смог написать музыку ко многим спектаклям, кинофильмам, операм и балетам.

— Как вы познакомились со своей женой?

— На танцах. В 1935 году мы вместе с Хачатурян ходили в танцевальный кружок в Союз композиторов, где балетмейстер из Польши учил нас танцевать бостон. Клара была журналисткой, работала в Союзе композиторов. Я влюбился. Она тогда была замужем, и я увел ее от мужа. С тех пор мы вместе 65 лет.

— Не все было беззаботным?

— Да, я имел неприятности из-за того, что она еврейка. Кого-то очень раздражало то, что начиная с 1950 года, во время борьбы с космополитизмом и раздувания «дела врачей», я не давал в обиду ни одному еврею-композитору. Да и не только евреев, и русских тоже — никого не давал в обиду. От меня требовали компромата, но я всегда писал только суперположительные характеристики, так что оснований для арестов не было. Помню, однажды на несколько дней арестовали Моисея Вайнберга, так я такой скандал закатил! Искатели компромата не должны были забывать, что на должность секретаря Союза меня назначил Сталин. Характер у меня сильный, я не позволял собой командовать и в своих решениях был самостоятелен. В других творческих Союзах было много пострадавших, а из композиторов никто не пострадал, хотя было много пополнений.

— Но вы ведь и сами оказались объектом кляуз?

— Увы, среди композиторов тоже было много реакционно настроенных людей. Они писали на меня в ЦК. Суслов давал мне читать эти доносы: Хренников защищает евреев, потому что находится под влиянием жены-еврейки! Каждый день с почтой я получал анонимные послания, где меня изображали то казненным на электрическом стуле, то на пути к кладбищу, то на расстреле. Каждый день! Я был еще молод и реагировал очень болезненно. Из-за постоянной травли у меня случилось сильнейшее нервное расстройство. В 35 лет я оказался на грани жизни и смерти, не мог ходить, писать музыку. Умирал!

В 1951 году меня отправили в ту самую Барвиху, где лежали высокопоставленные больные с истощением нервной системы: работа до четырех утра и хроническое недосыпание многим подорвали здоровье. Главный врач сказал мне тогда, что прогноз неважный. После этого я не мог спать 17 суток, начались галлю-

циации. От гибели меня спасла жена. Когда Клара приехала, я сказал ей, чтобы она увезла меня из этой Барвихи, иначе я умру. Уехать тоже было непросто, всюду стояли сотрудники НКВД, для отъезда нужно было получить специальное разрешение.

— И как же вы спаслись?

— Почти как Керенский. Прямо в больничной пижаме лег на дно машины, Клара прикрыла меня своими юбками и увезла из барвихинского «райя». Я приехал домой, а в Барвихе чэлз, прошел Хренников! Звоню главному врачу, все объясняю, обещаю в скором времени вернуть казенную пижаму... После всего этого кошмаря я потом год не работал, приходил в себя.

— Эти события произошли уже после войны. А как вы пережили 1937-й?

— В 1937 году были арестованы два моих брата. Один был педагогом, другой — начальником маленькой железнодорожной станции под Ельцом. За что арестовали? Статья 58, пункт 10, контрреволюционная агитация. Я был потрясен! Мои братья делали революцию, защищали Советскую власть. В нашей семье все были патриотами. И вдруг их арестовывают! Я стал всюду писать в НКВД, Коболову, Берии; по моей просьбе Владимир Иванович Немирович-Данченко написал письмо с просьбой передать дела братьев в народный суд. И по одному из дел такое решение было принято. Для защиты в народном суде нужно было нанять адвоката. Я собрал все, что у меня было, недостающее занял, и брата защищал знаменитый Брауде. На суде в Ельце он разгромил всех доносчиков — они признались, что писали доносы под давлением НКВД. Брата прямо из зала суда отпустили домой. Но когда в НКВД узнали, чем закончился процесс, то запретили передачу дела другого моего брата в народный суд, а «тройка» приговорила его к десяти годам тюрьмы. Я ничем не смог ему помочь. Он умер в лагере в 1943-м.

— Давайте вернемся к музыке. Вы — замечательный мелодист. Какая из ваших мелодий вам самому особенно дорога?

— Через всю мою жизнь прошла лирическая песня «Как соловей о розе» — из того самого вахтанговского спектакля. Я тогда был влюблен в Клару, она приехала в мое скромное жилище, и однажды я спел ей первый вариант серенады. Ей не понравилось: «Это так ты меня любишь?! В твоей песне нет ни чувства, ни человечности, ни лиризма!» Одним словом, изругала мою серенаду в пух и прах. На другой день я написал совсем другую песню, которая потом стала популярной. Много

Всегда клуб —
2000-6 мая —
G7.

позже в Большом театре был поставлен балет «Любовью за любовь» — дорогая моему сердцу песня «Как соловей о розе» звучит там в finale как апофеоз любви.

— Есть ли достойные мелодисты среди современных композиторов?

— Прежде всего, это Александра Пахмутова. Начиная с конца 50-х годов и по сегодняшний день она — лидер среди композиторов-песенников, талантливейший и обаятельный человек, я ее очень люблю. Андрей Эштай, Давид Тухманов, его «День Победы» — шедевр. Владимир Шанинский. Есть еще несколько имен... И все! Все это — остатки прежней роскоши. Сейчас хороших песен мало. Один мусор, повторение одних и тех же слов, в которых ни смысла, ни поэзии, ни любви, один ритм. Ритм — хорошая вещь, он должен быть ярким. Но когда нет настоящей мелодии, то и песни нет.

— Ваша песня о Москве — одна из лучших песен о столице. Что для вас этот город?

— Он дал мне настоящую жизнь. Я очень благодарен московской власти. Всю жизнь стремился к коммунизму и только в Москве недавно зажил как коммунист: как Герой Соцтруда не плачу за квартиру, телефон, электричество. Ну что не коммунизм? А если говорить серьезно, Москву я искренне считаю своей второй родиной.

— А первой?

— Елец. Это для меня самое святое место на земле. Там на плоскости мне памятник поставили. Я протестовал — зачем живому ставить памятник? Училище искусств присвоили мое имя. Дом, где я жил, переоборудовали в музей. Так что не забывают меня земляки.

— Вы до сих пор преподаете композицию в консерватории. Расскажите о своих учениках.

— Из моего класса вышло около двухсот композиторов. Вячеслав Овчинников — мой первый ученик, Александр Чайковский, Михаил Броннер, Лера Беседина, мой ассистент Татьяна Чудова — она изменила этих музыкантов говорят сами за себя. Из молодых — талантливый студент Владимир Дубинин.

— Ваша дочь тоже имеет отношение к музыке?

— Моя дочь — художник. Недавно состоялась премьера моего балета «Капитанская дочка», она участвовала в спектакле как художник. А внук у меня — журналист, пошел по стопам Клары Арнольдовны, окончил институт международных отношений.

Встречалась
Лариса ТОКАРЕВА